

Только они закончили уборку, как вдали показалась группа буддийских практикующих.

Лыбые головы, отражающие закатное солнце, были настолько заметны, что их можно было разглядеть издалека.

Се Жунцзяо с покорным вздохом взял Цзян Цзинсина за руку и тихо сказал:

— Учитель, мы обещали патриарху Ян Жопу защитить учеников Врат Меча во время их Северной охоты.

Смысл был в том, что на нём лежит ответственность за репутацию Врат Меча, и он не должен слишком сильно обижать этих буддийских практикующих.

Цзян Цзинсин с глубокомысленным видом смотрел на группу лыбых голов перед собой, которые сияли в солнечных лучах, словно золотые статуи Будды.

Неудивительно, что утром он вытащил гексаграмму «Небо и Земля», указывающую на препятствия на пути.

«Небо и Земля» — знак, предвещающий, что путь впереди будет закрыт.

Такие деревни, как та, в которой они временно остановились, встречались нечасто. В хорошие времена феодальные правители старались их сохранить, чтобы потом написать доклад о заслугах, сопровождаемый спектаклями, восхваляющими их добродетели, и отправить его в Хаоцзин. В плохие времена деревни оказывались в опасном положении, и варвары убивали варваров — что тут скажешь?

Жители деревень научились искусству приспособливаться: в хорошие времена они занимались земледелием, в плохие — быстро убегали, забирая с собой всё имущество, как саранча, оставляющая после себя голую землю.

Один из учеников Врат Меча наивно спросил:

— Если здесь так трудно, почему они не переезжают?

Лу Биньвэй ответил:

— Они не могут. Посмотри на эти дома — видно, что жители здесь бедны, у них нет никаких навыков, кроме земледелия. Куда они пойдут в другом месте? Им будет трудно выжить, поэтому лучше оставаться здесь и ждать подходящего момента.

Ученика звали Пэй Мин. Все, кого выбрали для участия в Северной охоте, были талантливыми и целеустремлёнными, иначе это было бы просто самоубийством.

Пэй Мин, как и многие юноши его возраста, мечтал о том, чтобы овладеть мечом и стать бессмертным. Ему было трудно представить, что в мире существуют такие беспомощные люди. Подумав, он понял, что слова Лу Биньвэя звучат довольно убедительно, и с растерянностью произнёс:

— Вы знаете так много.

Цзян Цзинсин, хотя и был человеком легкомысленным, всё же прошёл через тот же возраст, что и Пэй Мин. Разница была в том, что Пэй Мин мечтал о полёте на мече, а он — о том, чтобы стать сильнейшим в мире. Вмешавшись в разговор, он сказал:

— Не слушай его. Возможно, они просто любят это место и не хотят уезжать, или у них есть чувство патриотизма, и они готовы защищать каждую пядь земли Великого Чжоу.

Пэй Мин понял его мысль и с сочувствием сказал:

— Если бы кто-то попытался захватить территорию Врат Меча, я бы тоже не ушёл!

Взгляд Фан Линьхэ был холодным, как ветер, поднимаемый мечом.

Даже Се Жунцзяо не смог промолчать:

— Учитель, брат Юю прав.

Пэй Мин почувствовал себя единомышленником и воодушевился, ощущая в себе дух «великого укрытия, дарующего радость всем бедным».

— Когда я достигну успехов в практике, я обязательно подниму меч и прогоню людей Пустоши, чтобы они могли спокойно оставаться на своей земле.

Лу Биньвэй слегка удивился, и его обычное, ничем не примечательное лицо стало мягким.

На самом деле Пэй Мину не понять, о чём думают эти крестьяне.

Он с детства жил в мире магии и легенд, в мире амбиций своих предшественников и старших товарищей, мечтающих о власти над миром. Как он может понять, что значит всю жизнь провести, согнувшись над землёй?

Как он может понять, что кто-то ради нескольких бедных акров земли готов всю жизнь жить в постоянной опасности, не собирая вещи и не отправляясь в путь, не поднимая меч против врагов?

Это не значит, что он плохой, или что крестьяне здесь хорошие. Просто они вынуждены жить так, как могут. Кто не живет? Кто не пытается выжить? Кто не хочет жить лучше?

Фан Линьхэ чуть не выкрикнул: «Малолетний глупец, позор!»

— Раз уж так, почему бы тебе не пойти и не потренироваться с мечом?

Пэй Мину повезло. Прежде чем он успел ощутить на себе адские тренировки Фан Линьхэ, мимо проходили ученики буддийской секты.

Пообещав Ян Жопу защитить учеников Врат Меча, Цзян Цзинсин поднял свою ауру до уровня Великой колесницы. Молодой монах, возглавлявший группу буддийских практикующих, поклонился ему как старшему:

— Ученик Уинь бесполезен. Мы устали от долгого пути и, учитывая опасности Северной Пустоши, хотели бы остановиться здесь на ночь. Не могли бы вы, уважаемый старейшина, разрешить?

У него были тонкие брови и мягкие черты лица, напоминающие статую Будды.

Эта маленькая деревня сегодня оказалась в центре внимания, собрав двух из четырёх выдающихся мастеров Девяти Областей.

— Почему бы и нет? Это место не принадлежит мне, так зачем церемониться? Неужели нужно бежать и спрашивать у сбежавших жителей, не возражают ли они?

Цзян Цзинсин в молодости часто слышал наставления буддийских практикующих, и теперь, имея статус старейшины Врат Меча, он не упустил возможности прочитать им лекцию.

К счастью, Се Жунцзяо вовремя подал ему чашку чая, заставив замолчать и спасти репутацию Врат Меча.

Он всегда был более нравственным, чем Цзян Цзинсин.

Попробовав чай, Цзян Цзинсин понял, в чём дело.

Он с трудом сдержал желание выплюнуть напиток.

— Ацзы, откуда ты взял эти специи, чтобы сварить их с чаем?

Чай был сварен с различными специями, такими как перец и кунжут. Такой напиток был популярен несколько веков назад, и до сих пор находятся любители, которые готовят эту «тёмную кулинарию».

Се Хуань был одним из таких любителей.

Когда Цзян Цзинсин подружился с Се Хуанем, тот, чтобы показать, как он ценит их дружбу, лично приготовил такой чай. Цзян Цзинсин, чьё тело тогда было не таким крепким, как сейчас, почувствовал головокружение и не мог понять, почему люди так ненавидят свои вкусовые рецепторы.

Он даже подозревал, что Се Хуань замыслил это заранее: дружба была притворной, а месть — настоящей.

Бурное начало предопределило их бурные отношения.

Се Жунцзяо не любил такой чай, но знал, что Цзян Цзинсин его ненавидит.

Этого было достаточно.

Это действительно бодрило.

Се Жунцзяо спокойно сказал:

— Я отломил его от ароматической палочки в повозке. Учитель, не волнуйся, я не отломил ничего лишнего.

Цзян Цзинсин чувствовал себя не очень хорошо.

У него даже не было сил спорить с буддийскими практикующими.

Если бы это сделал Се Хуань, он бы, вероятно, уже отправил его в палату главы племён одним ударом меча.

Но, к счастью, это сделал Се Жунцзяо, и у Цзян Цзинсина не было ни малейшего желания мстить. Напротив, он увидел в его взгляде что-то живое, как ветка сливы, расцветающая в снегу, нежная и красивая.

Ацзы, вероятно, помнил, как я подшучивал над его внешностью, и этот чай был не только для того, чтобы взбодрить меня, но и чтобы отомстить.

Цзян Цзинсин рассмеялся про себя.

Ацзы действительно очень милый.

Он почувствовал, что нашёл драгоценность, которую нужно беречь, и его сердце смягчилось.

— Позвольте спросить, брат Уинь, — видя, что Цзян Цзинсин не справляется с ролью лидера, эту задачу естественно взял на себя Фан Линьхэ, — в вашей группе нет старейшины. Он занят чем-то другим?

Фан Линьхэ всегда говорил кратко.

Если он задавал вопрос, это было не просто так.

Хотя тысячу лет назад сильнейшие мастера Девяти Областей и Северной Пустоши заключили соглашение, позволяющее практикующим на этапах Вхождения в микро и Малой колесницы соревноваться в пустошах, все участники были молодыми и талантливыми. Несмотря на клятвы, записанные в законах небес, всегда существовал риск, что Северная Пустошь попытается что-то сделать. Поэтому старейшины сопровождали своих учеников.

Старейшины не могли вмешиваться, если только сильнейшие Северной Пустоши не нарушали правила. Даже если ученики были на грани смерти, они должны были оставаться в стороне.

Уинь опустил глаза и тихо произнёс молитву:

— По пути мы прошли мимо деревни, которую недавно разграбили. Старейшина остался, чтобы помолиться за души погибших, а также намеревается преследовать убийц. Он велел мне и остальным братьям идти вперёд, сказав, что догонит нас через два дня.

Пэй Мин наивно спросил:

— Разве буддийские практикующие убивают?

Репутация Врат Меча как холодных и безжалостных не была незаслуженной, подумал Се Жунцзяо с сожалением.

Чтобы вырастить такого чудака, как Ян Жопу, нужно, чтобы семя было необычным, но без подходящей почвы оно не прорастёт.

— Учение Будды о том, чтобы направлять зло к добру, верно и неверно одновременно.

Репутация Врат Меча как холодных и безжалостных не была незаслуженной, подумал Се Жунцзяо с сожалением. Чтобы вырастить такого чудака, как Ян Жопу, нужно, чтобы семя было необычным, но без подходящей почвы оно не прорастёт.